

A woman with long, wavy brown hair, wearing a vibrant red coat, is seen from behind, walking down the center aisle of a vintage train carriage. The carriage has dark wood paneling and rows of red leather seats on both sides. The ceiling is arched with ornate metalwork and features several glowing, spherical lanterns. The train is moving through a hazy, overcast landscape, with a blurred figure of a person walking away in the distance. The overall atmosphere is nostalgic and cinematic.

Пётр Фарфудинов

Попутчица

18+

Пётр Фарфудинов

Попутчица

«Автор»

2026

Фарфудинов П.

Попутчица / П. Фарфудинов — «Автор», 2026

Елена никогда не опаздывает. Она появляется в поездах дальнего следования в самый нужный момент, чтобы изменить чужую судьбу. Она — Хранительница древней Книги Всех Историй, и её дар — не просто рассказывать захватывающие истории, но и исцелять души, возвращать надежду и переплетать судьбы людей. В каждом купе её ждут новые попутчики: потерянные души, разбитые сердца, те, кто ищет любовь или бежит от предательства. Москва — Владивосток, Новосибирск — Москва, Москва — Симферополь... Здесь случайно влюбляются, занимаются любовью под стук колёс, предаются и прощаются, исчезают в тумане и возвращаются к жизни. «Попутчица» — это роман о том, что любовь не знает границ, а судьба всегда находит нас даже в самом дальнем пути. Это история о женщине, которая исцеляет чужие души, но в конце концов сама находит свою настоящую любовь.

© Фарфудинов П., 2026

© Автор, 2026

Пётр Фарфудинов

Попутчица

Попутчица

Часть первая. Пути, которые мы выбираем

Глава 1

Елена никогда не опаздывала. Это было не просто правилом или привычкой, это было ее сверх способностью — такой же неотъемлемой частью натуры, как умение за пять минут очаровать самого угрюмого бухгалтера или рассмешить плачущего ребенка в очереди за хлебом. Пунктуальность была ее броней, ее способом контролировать хаос, который она же, по сути, и обожала создавать вокруг себя. Каждая минута ее жизни была расписана, каждый шаг выверен, и даже в самые безумные дни она всегда находила время на все, что задумала. Этот дар — быть вовремя — она культивировала в себе годами, и он никогда ее не подводил.

И вот сейчас, стоя на перроне Ярославского вокзала, она с легким чувством брезгливости смотрела на поезд, которому предстояло унести ее на триста километров от Москвы, в самую глушь, туда, где пахло сыростью, сеном и, как ей казалось, застоявшимся временем. Она не испытывала особого удовольствия от этой поездки. Деревня, где прошло ее детство, дом, где когда-то пахло пирогами и мамиными духами «Красная Москва», а теперь, судя по телефонным разговорам, пахло плесенью и запустением. Отец, вечно занятый своими механизмами в гараже, и мать, чей голос в трубке звучал все более просяще.

«Доченька, потолки побелить, сил нет смотреть на эту черноту, — причитала мать. — Отец всё руки не доходят, а я уже старая. Ты же у нас умница, ты всё можешь».

Елена вздохнула. Она была умницей. И она действительно многое умела. Но умела она это делать в городе, среди стекла и бетона, среди шумных презентаций и вернисажей, где ее дар рассказчика и обаяния приносил плоды в виде контрактов и полезных связей. Здесь же, в деревне, ее ждало ведро с известью и стремянка, и этот контраст вызывал в ней глухое раздражение, смешанное с чувством вины.

Однако поезд уже подали. Елена, привычно вскинув на плечо небольшую сумку, бодро двинулась к своему вагону. Она любила поезда. Ей нравился этот промежуточный мир, вакуум между «там» и «там», где нет интернета, нет навязчивых звонков, а есть только стук колес, чай в подстаканниках и... незнакомцы. Особенно незнакомцы.

Общительность была ее вторым «я». Она находила общий язык с людьми быстрее, чем они успевали представиться. Ее мать говорила: «Ты как сорока, всё хватаешь и тащишь в свое гнездо». Но Елена знала, что это не так. Она была скорее ловцом. Она ловила взгляды, интонации, запахи чужих судеб. И как любой ловец, она предпочитала молчаливую добычу. Ей не нужны были собеседники, ей нужны были слушатели. Потому что ее главная страсть, ее дар и проклятие — это рассказывать истории.

Истинное удовольствие она получала, глядя в широко раскрытые глаза своих жертв, когда от ее слов, от страха и переживаний, на их лицах буквально проступала бледность, а волосы — о, это был ее коронный трюк — начинали, как ей казалось, седеть на глазах. В ее рассказах оживали мертвецы, гуляли проклятые души, а древние боги спускались на землю, чтобы покарать грешников. Все, что она видела, слышала или даже просто воображала, мгновенно превращалось в литературный шедевр ужаса и мистики.

Заходя в купе, она уже знала, что сегодня будет одна из таких историй. Внутри, у окна, сидел молодой мужчина. Он был погружен в телефон, наушники скрывали его уши, а взгляд был устремлен в неведомые дали экрана. Елена окинула его быстрым взглядом профессионала: дорогой, но не кричащий свитер, ухоженные руки, легкая небритость, которая скорее говорила

о творческом беспорядке в голове, чем о небрежности. Он был красив той спокойной, немногословной красотой, которая заставляла Елену распускать павлиний хвост.

— Добрый вечер! — звонко произнесла она, ставя сумку на верхнюю полку. — Ничего, что я займу ваше одеяло? У меня пунктик — я должна видеть закат. Или вы тоже предпочитаете наблюдать за уходящим солнцем?

Мужчина оторвал взгляд от телефона, снял наушник и посмотрел на нее с легким замешательством. Он открыл было рот, чтобы ответить, но Елена уже села напротив, положив ногу на ногу, и лучезарно улыбнулась.

— Ой, не надо ничего говорить! — перебила она его. — Я вижу, вы человек глубокий. Интроверт. Вы любите слушать, а не говорить. А я, как назло, обожаю болтать. Но вы не волнуйтесь, я болтаю интересно. Я — Елена.

Она протянула ему руку. Мужчина чуть помедлил, но руку пожал. Пальцы у него были прохладными.

— Александр, — коротко представился он.

— Александр! Прекрасно! — воскликнула Елена, устраиваясь поудобнее. — Знаете, а у меня сегодня просто день выдался, будто специально для того, чтобы я встретила именно вас.

Александр вежливо улыбнулся и снова потянулся к наушнику, явно давая понять, что не настроен на светскую беседу. Но Елена уже вошла в раж. Она видела его как свою будущую палитру. Ей нужен был его спокойный, созерцательный фон, на котором она могла бы нарисовать свою картину.

— Вы знаете, — начала она, понижая голос до доверительного шепота, — в этот же поезд, ровно год назад, садилась моя подруга. И она говорила точно то же самое — «не хочу никуда ехать, тянет обратно в город». А знаете, чем это кончилось?

Александр замер. Его рука, уже было дотронувшаяся до наушника, повисла в воздухе. Елена внутренне ликовала. Крючок заброшен. Он слушает.

— Она не доехала до своей станции, — прошептала Елена, наклоняясь вперед. — Поезд остановился в чистом поле. Ни станции, ни платформы. Просто туман. И этот туман, он был... живой. Он вошел в открытое окно и унес ее.

Александр слегка нахмурился, но не отвел взгляда. В его карих глазах промелькнула искорка, которую Елена отлично знала — искорка заинтересованности.

— Шутите, — сказал он, но голос его звучал неуверенно.

— Какие шутки, Саша! — почти обиделась Елена. — Вы знаете, почему местные называют эту ветку «Мертвой петлей»? Раньше здесь был старый храм. Еще до революции. Его разрушили, а на его месте — вы не поверите — построили железную дорогу. С тех пор души тех, кто там был погребен, каждую ночь выходят на насыпь и ищут свои тела. А если поезд проезжает слишком медленно, они... заглядывают в окна.

В купе стало тихо. Только стук колес на стыках рельсов звучал как глухой барабан. Елена наслаждалась моментом. Она видела, как на лбу Александра выступила легкая испарина. Она почти ощущала, как его волосы на кончиках начинают сесть от ее рассказа. Это был кайф.

— И вот, представьте, — продолжила она, размахивая руками, — она проснулась ночью, в этом купе, одна. Вокруг туман. А за окном, на путях, стоит старик. Смотрит прямо на нее. И машет рукой, мол, выходи. И она...

В этот момент поезд резко дернулся. Александр вздрогнул и вцепился в край стола. За окном начало смеркаться, и в этом полусвете его лицо действительно казалось бледным. Елена довольно улыбнулась, откинувшись на сиденье.

— И она вышла, — закончила она драматичным шепотом. — Вышла и исчезла. А через три дня ее нашли... на ее собственной могиле. С открытыми глазами. Будто она до сих пор смотрит на поезда.

Александр сглотнул. Он посмотрел на закрытую дверь купе, потом на окно, за которым сгушались сумерки, и решительно отодвинул наушник.

— Вы... серьезно? — спросил он, и голос его дрогнул.

— Конечно, нет! — расхохоталась Елена, хлопнув в ладоши. — Я же рассказчик! Это просто история, чтобы развеять скуку. Правда, здорово?

Александр выдохнул, но в его взгляде застыло что-то странное. Он не расслабился. Напротив, он подался вперед, и в его глазах заплясали огоньки — не страха, а... узнавания?

— Красиво врете, — медленно произнес он. — Но я вам не верю.

Елена удивленно моргнула. Обычно все верили. Или делали вид, что верят, чтобы ее не разочаровывать. Но этот Александр... он смотрел на нее слишком пристально.

— Почему? — спросила она, теряя нить своего веселья.

— Потому что я знаю эту историю, — сказал он, и в его голосе появились стальные нотки. — Только в ней был не старик и не подруга. В ней была девушка, которая сама наколдовала этот туман. И которая с тех пор ищет себе попутчиков, чтобы рассказывать им эту байку. Вы очень похожи на нее по описанию.

Он достал из внутреннего кармана куртки старую, потрепанную фотографию. На ней была девушка с улыбкой до ушей, чем-то неуловимо напоминающая Елену. Такая же живая, такая же дерзкая.

— Три года назад, — тихо сказал Александр, — моя сестра села в этот поезд. И исчезла. Она тоже не любила опаздывать. Она тоже любила рассказывать страшилки. И она звонила мне перед тем, как зайти в вагон, и сказала: «Саш, я нашла идеальную жертву для своей новой истории. Этот парень такой молчаливый, будет козлом отпущения». Это была последняя фраза, которую я от нее услышал.

Елена побледнела. На этот раз не его волосы седали — холодок пробежал по ее собственной спине. Обычно ее истории были вымыслом, но... совпадения были пугающими.

— Послушайте, — начала она, но в этот момент поезд резко затормозил, и в тамбуре послышались крики. Дверь купе распахнулась, и в проеме появился проводник, бледный, как полотно.

— Граждане, не выходите из купе! — закричал он. — На путях... что-то лежит. Загородило дорогу. Ни машинист, ни я... это не животное. Это... человек. Но мы не можем его опознать.

Александр и Елена переглянулись. Только что она рассказывала о трупе, который находят на путях. И вот реальность ворвалась в ее вымысел с железной логикой жестокого рока.

— Это она, — прошептал Александр, вставая. — Она вернулась. Чтобы найти того, кто украл ее истории.

Елена почувствовала, как у нее пересохло в горле. Ее дар общения, ее любовь к пугающим историям, ее желание удивлять — все это вдруг обернулось против нее. За окном, в сгущающемся тумане, ей почудилось чье-то лицо. Оно смотрело прямо на нее. И улыбалось.

Поезд стоял в чистом поле. Туман подступал к окнам, липкий и густой. Елена, которая никогда не опаздывала и никогда не теряла дара речи, впервые в жизни не знала, что сказать.

Александр схватил ее за руку.

— Елена, — сказал он жестко, — твоя легенда спасла тебе жизнь. Ты привлекла внимание. Но теперь ты должна будешь рассказать эту историю до конца. Иначе... мы оба здесь останемся.

Он указал на туман за окном. В молочной пелене начали вырисовываться фигуры. Много фигур. Они стояли вдоль путей, молчаливые и терпеливые, как будто ждали, когда Елена начнет новую главу своей книги.

И Елена, сглотнув, села на место. Она поняла, что ее роман только начался. И его главная героиня — та самая сестра Александра — уже пишет эту историю вместе с ней. С той лишь

разницей, что теперь это не вымысел. Это была реальность, затянутая туманом, и ей нужно было найти в ней свой путь.

Она вздохнула, посмотрела на фотографию в руках Александра и тихо сказала:

— Что ж..., тогда слушайте дальше. Только эта история будет длинной.

И поезд, будто услышав ее, издал гудок, разрезая тишину ночи, готовый либо унести их прочь, либо навсегда погрузить в мир, созданный ее собственным воображением.

Глава 2

Напряжение в купе висело в воздухе, тяжелое, как мокрое одеяло. Елена, привыкшая держать все под контролем, сейчас чувствовала себя мышью, которую загнали в угол. Проводник, бормоча что-то невнятное о том, что «диспетчер сказал ждать», исчез, запершись в своем служебном отсеке. Соседние купе затихли. Никто не выглядывал в коридор, будто все пассажиры чувствовали, что что-то не так.

Александр сидел напротив, сжимая фотографию сестры. Пальцы его побелели, но голос был тверд.

— Ее звали Анна, — сказал он, не глядя на Елену. — Она была старше меня на два года. И она... она тоже была рассказчицей. Только она не просто рассказывала, она верила в то, что говорит. Она считала, что слова — это материя. Что если историю рассказать достаточно красочно, она оживет.

— Это бред, — выдохнула Елена, но голос ее дрогнул. Она сама не верила в то, что говорила. Ее истории всегда были игрой, спектаклем, цирковым номером. Она никогда не придавала им реальной силы. Или придавала? Она вспомнила, как однажды рассказала коллеге историю о том, как в их офисе по ночам ходит призрак уборщицы. На следующий день коллега уволилась, а через неделю в том кабинете, где она сидела, действительно начали гаснуть лампы. Елена тогда списала это на короткое замыкание. Но теперь...

— Я не верю в магию, — сказала она громко, будто пытаясь убедить саму себя. — Я просто люблю придумывать. Это как писательство.

— Анна тоже так говорила, — усмехнулся Александр. — Она любила говорить, что Бог — это рассказчик, а мы — всего лишь его персонажи. И если мы начинаем придумывать слишком много, то мы начинаем конкурировать с Творцом. А конкуренция всегда заканчивается плохо.

За окном поезда что-то заскрежетало. Елена вздрогнула и повернулась к стеклу. Туман стал еще плотнее, почти осязаемым. В нем мелькали тени, но разглядеть их было невозможно. Одна из теней приблизилась к самому окну. Елена увидела силуэт женской руки, которая легла на стекло, оставив на нем влажный отпечаток.

— Она здесь, — прошептал Александр. — Она всегда приходит за теми, кто умеет рассказывать. Она забирает их голос.

Елена отпрянула от окна. Ее сердце билось где-то в горле. Она всегда была мастером слов, но сейчас слова закончились. Она могла только смотреть на этот отпечаток, который медленно таял, оставляя за собой тонкую струйку воды, стекающую по стеклу.

— Но зачем? — выдавила она. — Зачем она это делает?

— Чтобы ее история продолжалась, — ответил Александр. — Понимаешь, когда она исчезла, она не умерла. Она... застряла. Застряла между своей выдумкой и реальностью. Она придумала мир, в который хотела сбежать, и он ее поглотил. Теперь она ищет таких же, как она, чтобы те впустили ее обратно. Или чтобы она могла их заменить.

Елена почувствовала, что задыхается. Воздух в купе стал спертым, будто они находились не в поезде, а в подземном склепе. Она схватилась за горло, пытаясь сделать вдох, и в этот момент дверь купе снова распахнулась.

На пороге стояла девушка. Молодая, с длинными темными волосами, в мокром пальто, с которого на пол стекала вода. Она улыбалась — той же улыбкой, что и на фотографии. Это была Анна.

— Привет, братишка, — сказала она, и голос ее звучал эхом, будто доносился из глубокого колодца. — А ты все ищешь меня? Я же говорила, что вернусь. Просто я ждала подходящего попутчика.

Она перевела взгляд на Елену, и в ее глазах загорелся тот странный холодный огонь, который Елена видела у себя в зеркале, когда рассказывала особенно жуткую историю.

— А ты, девочка, — сказала Анна, наклоняя голову, — ты очень похожа на меня. Ты тоже любишь забирать внимание. Ты тоже создаешь миры из воздуха. А знаешь, что будет, когда у тебя закончатся истории?

Она сделала шаг внутрь купе, и на полу, там, где она ступала, оставались мокрые следы, но они не высыхали. Они начинали светиться, как фосфор.

— Ты останешься одна, — прошептала Анна. — Как я. Но у меня есть выход. Я могу забрать твой талант. Я могу рассказать твои истории вместо тебя. И тогда я снова стану живой. А ты займешь мое место — в этом поезде, в этом тумане, будешь ждать следующего рассказчика.

Елена встала. Внутри нее что-то перевернулось. Вместо страха пришла ярость. Она привыкла быть главной в любой истории, а тут какая-то призрачная девица пыталась увести ее в тень.

— Нет, — сказала Елена, и голос ее прозвучал громко и звонко. — Я не отдам свой голос. И я не боюсь твоего тумана. Если ты умеешь создавать миры, то и я умею. И я создам свой. И он будет лучше твоего.

Анна засмеялась. Смех ее был похож на звон разбитого стекла.

— Смелая, — сказала она. — Но у тебя есть только эта ночь. Когда поезд тронется, у тебя будет ровно один час, чтобы придумать историю, которая будет страшнее моей. Если ты сможешь напугать меня или заинтересовать — ты останешься жива и вернешься домой. Если нет — ты останешься здесь, в этом поезде, и будешь кататься вечно.

Анна щелкнула пальцами, и туман за окном превратился в занавес, который начал опускаться, как на театральной сцене. За ним открывалась картина — деревня, та самая, куда Елена ехала к родителям. Только деревня была не настоящей. Она была серой, как акварельный рисунок, и в центре ее стоял старый дом, с которого облупилась краска.

— Вдохновляйся, — усмехнулась Анна и исчезла, растворившись в воздухе, как дым.

Александр схватил Елену за плечо.

— Ты что наделала? — прошептал он. — Ты не можешь ее переиграть. Она живет этим уже три года. Она знает все ходы.

— Зато я знаю ее слабость, — ответила Елена, глядя на эту картину за окном. — Она ищет истории, чтобы заменить реальность. Но она боится историй, в которых есть правда. Она ненавидит, когда правда переплетается с вымыслом. А я знаю одну такую историю. О том, почему она действительно сбежала в этот поезд три года назад.

Александр уставился на нее с удивлением.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Я не знаю, — ответила Елена, и в ее глазах снова зажглась та искорка, которая делала ее душой компании. — Но я это придумую. И сделаю это так убедительно, что она сама поверит. Это и есть мой дар, Саша. Я не просто рассказываю истории. Я делаю их реальнее самой реальности.

Она села на место, закрыла глаза и начала говорить. Она начала рассказывать историю о девушке, которая слишком сильно любила придумывать, потому что ее настоящая жизнь была пуста. Она рассказывала о том, как Анна хотела быть кем-то другим, потому что боялась,

что ее никто не полюбит настоящую. И по мере того, как Елена говорила, за окном картина начинала меняться. Серая деревня начинала обретать цвет. Дом начинал оживать, и в его окнах зажигался свет.

Туман отступал, словно испуганный зверь. Елена чувствовала, что она выигрывает. Но впереди была еще целая ночь. И эта история была лишь началом.

Глава 3

Слова лились из Елены, как вода из прорванной плотины. Она не просто рассказывала — она творила. Каждое предложение было кирпичиком в здании новой реальности, и она видела, как мир за окном отвечает на ее голос. Серая, выцветшая деревня постепенно наливалась красками: на крышах появилась ржавчина, в окнах зажглись теплые огни, а на дороге, ведущей к дому, заколыхались тени деревьев, которых минуту назад не было вовсе.

— Она боялась одиночества, — говорила Елена, не открывая глаз. — Она росла в доме, где родители вечно ссорились. Где мать плакала по ночам, а отец уходил в гараж и не возвращался до утра. И маленькая Аня поняла: если она не придумает себе другой мир, она просто сойдет с ума в этом. Поэтому она начала выдумывать друзей. Призрачных братьев, которые защищали бы ее. Волшебные замки, где она была принцессой. И однажды она придумала историю о поезде, который увозит в счастливое будущее. Такой красивый, старый поезд с красными бархатными сиденьями, где все пассажиры — ее друзья.

Александр затаил дыхание. Он смотрел на Елену, и в его глазах больше не было страха — только изумление. Она говорила о его сестре так, будто прожила с ней всю жизнь. Будто читала ее дневник.

— Но настоящая жизнь всегда наступает, — продолжила Елена, и голос ее стал тверже. — Когда Ане исполнилось двадцать, она поняла, что волшебство не работает. Ее друзья исчезли. Замки рассыпались. Она осталась одна в пустой квартире, с дипломом филолога и грудой неоплаченных счетов. И тогда она решила: если она не может жить в выдуманном мире, она сделает этот мир реальным. Она отправилась в путешествие. На поезде. Туда, где, по ее мнению, начинается счастье. Она хотела найти ту самую станцию, которую придумала в детстве.

В купе стало холодно. Елена почувствовала, как по ее коже побежали мурашки, но она не остановилась. За окном картина изменилась: вместо деревни появился перрон, старый, покрытый трещинами, с табличкой, на которой не было названия. На этом перроне стояла фигура Анны. Она смотрела на Елену, и в ее глазах больше не было той самоуверенной усмешки — только боль.

— Она нашла эту станцию, — прошептала Елена. — Она нашла ее, но поняла, что на ней никого нет. Никто не встретил ее с цветами. Никто не сказал: «Аня, мы ждали тебя». Она стояла одна на этом перроне, и ветер завывал вокруг нее, и она поняла, что самое страшное — это не одиночество. Самое страшное — это осознать, что твой единственный друг — это выдумка. И тогда она придумала новую историю. Историю о том, что она сама стала призраком. Что она растворилась в тумане, и теперь будет преследовать поезда, мстя всем, кто умеет рассказывать лучше нее.

— Нет! — голос Анны прозвучал в воздухе, и она появилась внутри купе, прямо между Еленой и Александром. Она больше не была красивой. Ее лицо исказила гримаса, глаза горели яростью, а мокрые волосы облепили голову, как водоросли. — Ты не имеешь права! Это моя история!

Елена открыла глаза и посмотрела на нее. Страх все еще жил где-то глубоко внутри, но теперь он был приправлен азартом. Елена чувствовала себя охотником, который загнал дичь в угол.

— Твоя история? — переспросила она. — Аня, ты сама придумала ее. Ты сама создала этот ад, потому что боялась признать правду. Но я вижу тебя насквозь. Ты не злой дух. Ты

просто маленькая девочка, которая хотела, чтобы ее любили. И если ты заберешь мой талант, ты останешься здесь навсегда. Навсегда.

Анна замерла. Ее плечи опустились. Она выглядела растерянной, потерянной, как ребенок, который заблудился в торговом центре. Александр медленно поднялся и сделал шаг к ней.

— Аня, — сказал он мягко. — Это я. Саша. Ты помнишь меня? Мы вместе смотрели мультики по субботам. Ты учила меня читать. Я никогда не переставал тебя искать. Никогда.

Анна подняла на него взгляд. И в этом взгляде что-то дрогнуло.

— Саша, — прошептала она, и голос ее уже не звучал эхом. Он стал обычным, человеческим, почти детским. — Я просто хотела... чтобы кто-нибудь остался со мной.

— Я останусь, — сказал Александр, протягивая ей руку. — Только вернись. Хватит прятаться. Хватит жить в тумане.

Елена наблюдала за этой сценой с замиранием сердца. Она чувствовала, что все висит на волоске. Если Анна возьмет руку брата, история закончится. Но если она отшатнется, туман снова сомкнется, и им всем конец.

— А если я не могу? — спросила Анна с отчаянием. — Я уже три года здесь. Я не знаю, как выйти.

Елена вдруг почувствовала, что внутри нее рождается еще одна история. Не выдуманная. Настоящая. История о том, как призрак может стать человеком, если кто-то расскажет о нем с любовью.

— А если я тебя придумаю заново? — сказала Елена, глядя на Анну. — Если я расскажу историю о том, как ты вышла из тумана и пошла домой? Как ты зашла в свою старую комнату, и там все осталось по-прежнему: твои книги, твои рисунки, твой старый плюшевый мишка? Как ты села на кровать и заплакала, потому что ты наконец-то вернулась?

Анна медленно повернулась к Елене. Ее глаза наполнились слезами. Первыми слезами за три года.

— Расскажи, — попросила она шепотом. — Расскажи эту историю. Пожалуйста.

Елена закрыла глаза и начала говорить. И в этот раз она не пыталась напугать или удивить. Она просто рассказывала. Мягко, тепло, как сказку на ночь.

Она рассказывала, как Анна идет по перрону, и туман расступается перед ней. Как открывается дверь в ее старый дом. Как мать, заплаканная, бросается к ней, обнимает ее и шепчет: «Доченька, я так ждала тебя». Как отец выходит из гаража, прячет слезы и говорит: «Ну, пришла, наконец. Чай будешь?» Как комната Анны ждала ее все эти годы, чистая и светлая, и плюшевый мишка сидел на подушке, будто никуда не уходил.

Елена чувствовала, как ее слова проникают сквозь ткань реальности. За окном туман начал таять. Перрон исчез. Деревня исчезла. Вместо них появился обычный ночной пейзаж — леса и поля, освещенные бледной луной.

Анна стояла посреди купе. Ее мокрое пальто стало сухим. Волосы больше не облепляли голову — они мягко спадали на плечи. Она была живой. Настоящей. И она улыбалась — не насмешливо, а благодарно.

— Спасибо, — сказала она Елене. — Ты дала мне историю, в которой я могу остаться.

Она повернулась к Александру и взяла его руку.

— Прости меня, — тихо сказала она. — Я вела себя как дура.

Александр не выдержал — он обнял сестру, и впервые за три года его сердце забило спокойно. Елена смотрела на них и чувствовала странное тепло. Внутри нее что-то изменилось. Ее дар — умение рассказывать истории — больше не казался ей просто игрой. Он был силой. И эту силу она могла использовать по-разному: либо создавать страх, либо исцелять.

Поезд дернулся и начал набирать ход. Стук колес стал ровным, монотонным, как дыхание спящего человека. Елена откинулась на сиденье и выдохнула. Она никогда не опаздывала, но сейчас она была готова опоздать на целую вечность, лишь бы перевести дух.

Анна села рядом с братом, положив голову ему на плечо. Ее глаза закрылись, и она выглядела такой безмятежной, будто никогда и не была призраком.

— Куда мы едем? — спросила она сонным голосом.

— К моим родителям, — ответила Елена, и вдруг улыбнулась. — Знаешь, там такая дыра, что тебе понравится. У них потолки надо белить. Может, поможешь?

Анна слабо рассмеялась.

— Я никогда не белила потолки. Но если ты мне что-нибудь расскажешь, я согласна на все.

Елена усмехнулась. Она почувствовала, что в этом поезде она обрела не просто попутчиков, а друзей. Настоящих. Тех, с кем можно разделить молчание и слова.

— Что ж, — сказала она, глядя в окно на убегающие огни. — Тогда слушайте. У меня есть одна история. Она начинается с того, что в старом доме, где-то в глухой деревне, на чердаке нашли сундук. А в том сундуке лежало зеркало...

И она начала рассказывать новую историю. Тихим, спокойным голосом, который больше не сеял страх, а дарил надежду. И за окном, вдалеке, уже виднелись огни станции, к которой они приближались.

Глава 4

Поезд замедлял ход. Елена замолчала на полуслове, почувствовав, как ритм колес меняется. Анна открыла глаза, потянулась и посмотрела в окно. За ним, в предзакатном сумраке, проступали силуэты деревенских домов, заборов, сараев. Местность казалась знакомой и одновременно чужой, будто она видела ее во сне.

— Мы приехали? — спросила Анна, и ее голос прозвучал почти разочарованно.

— Похоже на то, — ответила Елена, поднимаясь. Она чувствовала странную легкость во всем теле, будто вместе с туманом исчез груз многолетней усталости.

Александр взял свои вещи и помог сестре встать. Он все еще не мог поверить, что она здесь, рядом, живая, теплая, настоящая. Он то и дело касался ее плеча, проверяя, не исчезнет ли она снова.

— Выходим, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри все дрожало.

Платформа была почти пуста. Только старушка с авоськой, толстый мужчина в кепке и дежурный по станции, который лениво курил в будке, наблюдали за ними. Елена спрыгнула с подножки, вдохнула свежий утренний воздух и поморщилась. Запах навоза, сырой земли и прелой листвы ударил в нос. Но этот запах, такой простой и грубый, почему-то показался ей самым родным на свете.

— Идем, — сказала она, махнув рукой спутникам. — Дом недалеко, за рощей.

Они пошли по пыльной проселочной дороге. Анна держала брата под руку и вертела головой по сторонам, будто видела мир впервые. Вдруг она остановилась и уставилась на старый колодец, стоящий на обочине.

— Я знаю этот колодец, — сказала она тихо. — Он мне снился. Каждую ночь. Я сидела на его краю и смотрела в воду, а там, в глубине, были другие люди. Они звали меня к себе.

— Аня, перестань, — мягко сказал Александр. — Мы уже не в поезде. Это реальность.

— Да, — кивнула Анна, — но я не уверена, что помню, что такое реальность.

Елена подошла к ней и взяла за другую руку.

— Реальность — это когда потолки надо белить, — улыбнулась она. — И когда тебя встречает мама, которая плачет от счастья. Это просто. Ты быстро привыкнешь.

Они вышли на поляну, и за деревьями показался дом. Деревянный, старый, с резными наличниками и крыльцом, на котором уже стояла женщина в халате и прижимала руки к груди. Это была мать Елены — невысокая, седая, с морщинистым лицом и глазами, которые мгновенно наполнились слезами.

— Леночка! — закричала она, сбегая с крыльца. — Леночка, дочка моя!

Елена отпустила руку Анны и шагнула навстречу, но в тот же момент мать остановилась, уставившись на незнакомую девушку рядом с дочерью.

— А это кто? — спросила она, вытирая слезы.

Елена обернулась. Анна стояла, смущенно теребя край куртки, и выглядела почти испуганной, как школьница, которую вызвали к доске.

— Это... Анна, — сказала Елена. — Она моя новая подруга. И ее брат Александр. Мы встретились в поезде. Они останутся у нас на пару дней.

Мать с минуту смотрела на них, потом перевела взгляд на Елену и покачала головой.

— Ты всегда умудряешься притащить в дом кого-то, — вздохнула она, но в голосе ее звучала нежность. — Ладно, проходите. Чайник только что вскипел.

Они зашли в дом. Внутри пахло пирогами и дровами, и этот запах накрыл Елену волной воспоминаний. Она смотрела на старые стены с обоями в цветочек, на полку с книгами, которые она читала в детстве, на икону в углу, и чувствовала, как внутри нее разливается покой.

Анна стояла посреди комнаты и смотрела вокруг широко раскрытыми глазами.

— Знаешь, — сказала она шепотом, обращаясь к Елене, — я ведь никогда не видела такого дома. Мои родители жили в панельной девятиэтажке. Здесь все по-другому. Здесь все... настоящее.

— Ну что вы стоите, как вкопанные? — мать Елены хлопотала у печи. — Садитесь за стол, будем завтракать. А ты, Ленка, показывай гостям дом.

Елена кивнула и повела Анну и Александра в соседнюю комнату. Там стоял старый диван с пружинами, круглый стол, а над ним висели фотографии, пожелтевшие от времени.

Александр остановился у одной из них.

— Это ты? — спросил он, показывая на маленькую девочку в платьице, которая стояла на крыльце с кошкой на руках.

— Да, — кивнула Елена. — Мне было лет пять. Тогда я впервые начала придумывать истории. Я рассказывала кошке о том, что мы с ней полетим на Луну. И она, кажется, верила мне.

— А она жива? — спросила Анна, подходя ближе.

— Кошка? Нет, — грустно улыбнулась Елена. — Но в моих историях она живет до сих пор.

Они стояли в этой комнате, смотрели на фотографии, и чувствовали, что время вокруг них остановилось. Поезд, туман, страшные истории — все это осталось где-то далеко, за границей этого уютного утра.

Но Елена знала: ее истории никуда не уходят. Они живут внутри нее, зреют, набирают силу. И когда-нибудь снова вырвутся наружу, чтобы удивить, напугать или исцелить.

Она посмотрела на Анну, которая тихо перебирала старые книги на полке, и улыбнулась.

— Слушай, — сказала она, — я тут подумала: пока мы будем белить потолки, я расскажу тебе историю о том, как этот дом построили на месте старого кладбища...

Анна резко обернулась, но в ее глазах не было страха — только озорной огонек.

— Давай, — сказала она, — давай, я готова.

И Елена начала рассказывать. Новую историю, новую главу, новое приключение, которое будет длиться ровно столько, сколько нужно. Потому что ее роман только начинался.

Глава 5

История лилась легко, как песня, которую знаешь с детства. Елена сидела на старом диване, напротив Анны и Александра, и рассказывала о том, как много лет назад, еще до того, как ее дед построил этот дом, на этом месте было языческое капище. Она говорила с таким жаром, что даже Александр, который уже привык к ее таланту, ловил себя на том, что затаил дыхание.

— Представьте, — говорила она, размахивая руками, — ночью, в полнолуние, сюда приходили люди в белых балахонах и водили хороводы вокруг огромного дуба, который стоял ровно там, где сейчас стоит наш стол. Они пели песни, звали древних богов, а когда наступал рассвет, они приносили жертвы — не кровавые, как вы могли подумать, а плоды, мед, хлеб. Они благодарили землю за урожай, а небо — за дождь.

Анна слушала с искренним интересом, но вдруг нахмурилась.

— Странно, — сказала она, — я слышала похожую историю, только в другом месте. Моя бабушка рассказывала, что у нас под городом было такое же капище. И там, говорят, прятали сокровища. Золотой кубок с драгоценными камнями, который принадлежал местному князю.

Елена улыбнулась.

— О, это уже интересно! — воскликнула она. — В каждой деревне есть легенда о сокровищах. Это как традиция. Но в моей истории есть продолжение. И оно куда страшнее, чем просто кубок.

Она понизила голос до шепота, и оба ее слушателя подались вперед.

— Говорят, что после того, как на этих землях построили первую избу, хозяева стали находить странные вещи. То монетка старинная в земле попадется, то обломок украшения. А однажды, когда копали погреб, наткнулись на каменную плиту, на которой был вырезан знак. Круг с точкой в центре. И этот знак, по преданиям, означает, что под домом зарыто что-то важное. То ли клад, то ли... нечто иное.

— И что же там? — спросил Александр, и в его голосе проскользнули нотки скепсиса, но глаза горели любопытством.

— А вот это мы и проверим! — загадочно ответила Елена, вставая с дивана. — У моей бабушки был старый сундук на чердаке. Я его видела сто лет назад, но даже не догадывалась заглянуть внутрь. Помните, я говорила, что в истории, которую я начала в поезде, был сундук? Так вот, я никогда в нем не копалась. Но сегодня самое время.

Анна вскочила с места, ее глаза заблестели.

— Ты серьезно? Мы полезем на чердак?

— Мы полезем на чердак, — подтвердила Елена. — Но предупреждаю: если там окажется скелет, я сразу же заканчиваю эту историю и начинаю новую, с более приятными персонажами.

Они поднялись по скрипучей лестнице, и Анна, шедшая последней, чувствовала, как воздух становится все холоднее и суше. Чердак встретил их запахом старой пыли, сухих трав и мышинного помета. Свет проникал через крошечное окошко, вырезанное в крыше, и в этом полумраке старые вещи казались призраками.

Сундук стоял в углу, накрытый ржавой сеткой от кровати. Он был массивным, с коваными углами и замком, который, как ни странно, не был закрыт.

— Он открыт, — удивился Александр. — Ты уверена, что никто не лазил?

— Не знаю, — пожала плечами Елена. — Может, бабушка забыла его закрыть. Или... может, он сам открылся.

Она подошла к сундуку и медленно подняла крышку. Раздался скрип, похожий на стон, и изнутри пахло чем-то сладким, пряным, как ладан.

Внутри лежали старые книги, обернутые в тряпки, несколько монет, странный амулет в виде волка с двумя головами, и... зеркало. Круглое, небольшое, в темной оправе.

Анна ахнула.

— То самое зеркало! — воскликнула она. — То, из твоей истории! Как оно здесь оказалось?

— Не знаю, — тихо ответила Елена, беря его в руки. — Я придумала его на ходу. Я никогда не видела этого зеркала раньше.

В зеркале, несмотря на темноту, не отражался чердак. Вместо этого там была комната, освещенная свечами, и в ней сидела старуха в платке. Она смотрела прямо на Елену и улыбалась беззубым ртом.

— А-а-а, — раздался скрипучий голос из зеркала, — наконец-то ты пришла, внучка. Я ждала тебя.

Елена чуть не выронила зеркало. Она не верила своим глазам. Ее язык прилип к небу, и даже дар рассказчика отказал ей.

— Кто ты? — выдавила она, наконец.

— Я твоя прабабка, — ответила старуха, — та самая, которую ты придумала в своей истории. Ты угадала: она была настоящей. И я здесь, в зеркале, храню тайну.

Александр подошел ближе, пытаясь разглядеть лицо в отражении.

— Что за черт? — пробормотал он. — Это не может быть правдой.

— Правда — это то, во что мы верим, — прошептала Анна, глядя на зеркало с благоговением. — Мы создаем свои истории. И иногда они становятся реальностью.

Елена перевела дыхание и посмотрела на прабабку.

— Что за тайна? — спросила она. — Почему ты ждала меня?

Старуха в зеркале тяжело вздохнула.

— Под этим домом, — сказала она, — лежит камень. А под камнем — книга. Книга, в которую записаны все истории, которые когда-либо были рассказаны на этой земле. Если ты найдешь ее и прочтешь вслух хотя бы одну страницу, ты сможешь изменить будущее. Но если ты ошибешься... мир перевернется.

Елена почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. Она всегда любила выдумывать истории, но сейчас она поняла: реальность переплелась с вымыслом так плотно, что они стали одним целым.

Она взяла зеркало в обе руки, посмотрела на свое отражение и сказала:

— Я найду эту книгу. И я прочитаю ее. Но только если ты пообещаешь мне, что истории, которые там записаны, никогда не причинят никому вреда.

Прабабка улыбнулась шире.

— Ты умная девочка, — сказала она. — Это я и хотела услышать. Иди. Возьми лопату. Камень под крыльцом, с левой стороны. И помни: слова — это великая сила. Используй их мудро.

Она исчезла. В зеркале отразился чердак, обычный, запыленный, с паутиной в углах.

Елена опустила зеркало и посмотрела на своих спутников.

— Вы идете со мной? — спросила она.

Анна взяла ее за руку.

— Я с тобой, — сказала она. — Мы теперь в одной истории.

Александр кивнул.

— Идем, — сказал он, — но если там окажется скелет, я ухожу.

Елена рассмеялась, и ее смех разнесся по всему чердаку, сметая последние следы страха.

Они спустились вниз, вышли во двор и направились к крыльцу. Елена нашла нужное место, взяла лопату и начала копать. Земля была влажной, и лопата легко входила в нее, будто кто-то недавно разрыхлял почву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.